

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Письма к разным лицам

святитель Феофан Затворник

Письма к разным лицам

«Благовест»

2012

святитель Феофан Затворник

Письма к разным лицам / святитель Феофан Затворник —
«Благовест», 2012

Эта книга содержит письма святителя Феофана Затворника, в которых он отвечает на недоумения и вопросы многих людей, обращавшихся к нему за советом, искавшим у него помощи и утешения. В них говорится также о догматах Православной Церкви, о ересь и отношении к ним, о правильном и спасительном прохождении духовной жизни. Письма святителя Феофана являются живым источником назидания и духовной пользы для всякого христианина, идущего по пути спасения. Эта книга несомненно поможет современным православным христианам пройти по непростым ступеням духовного совершенствования к главной цели нашей жизни – спасению собственной души.

© святитель Феофан Затворник, 2012

© Благовест, 2012

Содержание

Предисловие	6
1. О вечности мучений	7
2. О том же	10
3. Поправка некоторых неправых мнений	16
4. Мысль притчи о неправом приставнике	18
5. Против: воскресения и второго пришествия не будет	20
6. Ответы на несколько вопросов	22
7. Против: и второе пришествие и суд – в час смерти	23
8. Первое письмо в Санкт-Петербург по поводу ереси тамошней	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Святитель Феофан Затворник

Письма к разным лицам о

разных предметах веры и жизни

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС 12–123–2426)

© Издательство «Благовест», 2012

Предисловие

Книга святителя Феофана Затворника «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни», предлагаемая вниманию читателей, составлена из ответов на вопросы, наставлений, советов, которые святой подвижник давал разным людям, обращавшимся к нему за помощью в деле спасения. В своих письмах святитель касался самых разных аспектов духовно-нравственной жизни человека, указывал на ошибки и промахи, которые духовно неопытные люди неизбежно совершали в своей повседневной жизни, указывал пути выхода из непростых положений и даже отчаянных состояний. Его живое мудрое слово утешило многих людей в их скорбях, принесло облегчение в бедах, выпавших на их долю. Важной особенностью и лейтмотивом всех писем и посланий святителя Феофана была уверенность в возможном исправлении и спасении каждого человека, в частности, и всех тех, кто обращался к нему в письмах за помощью. При этом, он всегда подчеркивал, что подвизающегося во Христе неизбежно ждут трудности и скорби: «...Крепитесь! Поскорбеть не помешает: человек ибо есмь; а скорбеть до изнеможения не следует. Не поможет сия скорбь; а тихое молитвенное упование – милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою, а слезами можно. Подай, Господи, подай, Господи!.. Есть загородки, Богом поставленные, которых никто не ломит. Усиленною молитвою надо ударять в них. Господь, сжалясь, примет их... и тогда радость спасения!...».

Чутко понимая духовные потребности и трудности, с которыми сталкивается человек на разных этапах своего духовного развития, совершенствования, святитель Феофан Затворник обстоятельно, четко и мудро разрешает возникающие вопросы и сомнения каждого человека, вникает и дает выход из самых непростых постигших его жизненных проблем на основе собственного богатого духовного опыта, в свою очередь опирающегося на Священное Предание и Писание Православной Церкви, опыт и творения предшествовавших святых отцов.

Сочетание глубокого богословского анализа с простотой изложения делает письма святителя Феофана очень значимыми и актуальными и сегодня. Современные православные христиане, неопытные в духовном делании, несомненно получают большую духовную пользу от знакомства и вдумчивого чтения этих писем.

Андрей Плюснин

1. О вечности мучений

Вас занял вопрос о вечности мучений. Доброе дело! Но стали вы об этом рассуждать и набрались недоумений, не умея решить которые, начали колебаться и в самой вере в этот догмат. Вам думается, что коль скоро есть недоумения против какого-либо догмата веры, то ему и верить нечего; потому что иначе вера будет будто не разумной, а слепой, будет не вера, а суеверие. По этой причине у вас в голове собрался большой шум. Не желая в чем-либо погрешить против веры, вы ищите вразумления. С удовольствием готов исполнить ваше желание, и как у вас вся путаница произошла оттого, что, боясь обличения в слепой вере, вы взялись за рассуждение умовое, которое и завело вас в накрывший вас туман, то сначала и скажу вам слово другое о вере слепой и неслепой и о том, в какой степени надо доверять своему уму в предметах веры.

Слепой вере противоположна вера видящая. Какая же это? Вера видящая есть та, которая ясно видит, во что верует и почему верует.

Ясное видение, во что верует, обнимает все содержание веры, что Бог есть един по существу и троичен в лицах, что Он весь мир сотворил словом Своим и о нем промышляет, и в целом и в частностях, что мы сотворены для лучшей жизни, но пали в прародителях и все томимся в изгнании, что беду сию мы сами на себя навели, но высвободиться из нее сами не имели возможности, почему воплотился Сын Божий и избавил нас от всего, чему подверглись мы вследствие падения Своими страданиями, смертью, воскресением, вознесением на небеса и седением одесную Бога и Отца, что для того, чтоб каждый из нас делался причастным благ спасения, совершенного Господом, Дух Святый сошел на апостолов и чрез них Церковь Святую основал на земле, в коей Церкви и пребывает, всех верующих чрез святыя Таинства возрождая к новой жизни, укрепляя на всякое добро, очищая от всякого зла и освящая, и чрез все сие к вечной жизни приготавливая и Царства Небесного наследниками соделывая, и что все верными сынами и дочерьми Церкви Божией до конца себя сохраняющие несомненно Царство Божие наследят, а неверными ей оказывающиеся в ад попадут на вечные мучения. Все сие ясно зрит и ведаёт определенно видящая вера.

Видит она ясно и определенно и основание, почему так верует. Но оснований этих у нее не много, а одно, потому верует, что Сам Бог повелел так, а не иначе веровать, — основание самое разумное, разумнее и тверже которого ничего нет. Ибо что Бог сказал, то уже всеконечно есть совершеннейшая истина, против которой неуместны и возражения. В полном смысле настоящая вера и есть та, когда кто верует потому только, что так Бог повелел, и когда для того, чтоб уверовать, ничего больше не ищет, как узнать, как Бог повелел, и как только узнает, что Бог повелел так и так веровать, так и успокаивается на том полным успокоением, не допускающим никаких колебаний.

Сия детская вера, беспрекословно верящая Богу — Отцу своему! Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *Если не будете как дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Такая детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все глазами чистыми, ничем не запорошенными. Она только в умовые исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокаивается. Это у нее самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования. Слепая вера есть та, которая не знает, во что должно веровать, или если знает, то не полно, кое-как; равно не знает и того, почему должно веровать, и не заботится узнать ни того, ни другого. Такова большей частью вера простого нашего народа, но не исключительно: ибо и между лицами высшего и образованного круга очень много таких, если не наибольшая

часть. И в простом народе не редкость сильная детская вера, видящая, за которой куда гнать нашей ученой вере?!

У нас вошло в обычай слепой вере противопоставлять разумную, а под разумной верой разуметь веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, что «Бог так повелел, и верую», но ко всему примешивает и соображения своего ума, и когда начнет говорить о предметах веры, то говорит о них так, как бы это было постижение его ума, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему такому, что не сумеют подвести под начала своего разума и согласовать с суммой добытых им понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее. На сие скажу: никакого нет греха доискиваться некоторых умовых соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые отцы. Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет, и есть совсем побочное, или придаточное дело. Будь это или не будь, вера, верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества пред тем, кто не имеет их, а искренно и ясно верует во все веруемое потому одному, что так Бог повелел. Это замечание надо крепко держать в уме, чтоб не породилось лукавое в сердце предпочтение своих соображений тому единственно прочному основанию: Бог так повелел, и верую. Ибо в таком случае человек выходит из детскости и сам себя подвергает опасности, в коей находятся не имеющие детской веры: *еще не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18: 3). Как ни мудр будет ум, все ему окончательно надо стоять на том, что – Бог так повелел, и верую. Но само собой уже разумеется, что по мере того, как дается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение; а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры.

Когда строятся в уме умовые соображения о предметах веры, тогда наиболее приходят и недоумения, колеблющие веру. Правда, что они прокрадываются и в душу, детски верующую. Но тут им обычно никакого хода не дают, сразу прогоняя их, в той уверенности, что это, наверное, какой-либо кривотолк. Но также надобно поступать и тем, которые не довольствуются и не умеют довольствоваться простой верой. Недоумения против веры тоже суть в области веры, что дурные помыслы и позы, противные добронравию и заповедям в сфере жизни. Последние как мы встречаем? Отталкиваем – и конец. То же следует делать и с первыми. Пришли недоумения, отгони их мечем веры – и конец. И это будет самое разумное действие. Когда ясно ведомо, как Бог повелел веровать, разумно ли против того допускать возражения, а не только строить? Когда Бог говорит, тварь должна слушать и слушаться.

Это первый акт – отбить недоумение, оставаясь на стороне веры, без колебаний. Когда это сделано и покой веры возвращен сердцу, тогда можно против недоумений искать разъяснений, кто хочет. И это немудрено. Их всегда можно найти в восстановлении точного учения о предмете веры, подвергшемся нападкам недоумения. Все недоумения исходят от того, что какой-нибудь предмет веры затемняется и ясное представление его не созерцается. Коль скоро этот недостаток будет восполнен, тотчас недоумение рассеется само собою.

Грешат против сего много те, которые, лишь только родилось какое недоумение, тотчас переходят на сторону его и вражески готовы выступить против веры, мечтая в то же время, что они начинают действовать неким возвышенным образом, не то, что иные невегласы-слепцы, и проч. Хорошо ли делает тот, кто лишь только пришло дурное желание, тотчас переходит на сторону его и исполняет его? Конечно, дурно. Дурно делает и тот, кто как только родилось недоумение, тотчас вместе с ним начинает вооружаться против веры. Когда недоумение касается такого предмета, о котором известно Божие определение, то такого рода действие есть богоборство. Законный образ действия должен быть такой: пришли недоумения – не допускай их до сердца и не возмущай ими покоя веры; оттолкни их, стоя сердцем на стороне веры, а потом ищи разъяснения. Придет разъяснение – добре; не придет – беда не велика.

Покой веры цел – не слепой, а той, которая видит и знает, как повелел Бог. Повелевает неложный Бог, а недоумения кует нам умишко – задорный, но слепой.

Этими пояснениями теперь ограничусь. Рассеяние ваших недоумений отлагаю до следующего раза.

2. О том же

Начну с Божией помощью восставлять поколебленную веру вашу в вечность мучений и успокаивать душу вашу.

Недоумение ваше таково: «Как можно, чтоб будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благодати Божией противно». – Прежде всего спросите у своей детской веры, знает ли она, что Бог именно так определил? И если не знает, просветите ее, указав ей прямые божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: *Идут сии в муку вечную*. Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небеса и седший одесную Отца, чтоб и там выну ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стоило спасение наше и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись, верно иначе сему быть нельзя. Кажется, такой вывод столь верен и непреложен, что и колебаний никаких допустить не может. А мы с вами что сделали? Так увлеклись недоумением, что заподозрили и подлинность Писания, и верность толкования, говоря: «Или не так написано в подлиннике, или не так истолковано». Так понравилось нам наше недоумение, что мы готовы ради него все вверх дном повернуть. Но ведь мы имеем подлинные новозаветные Писания. Там стоит: *Идут сии в муку вечную*. Затем, сколько ни есть переводов Нового Завета – во всех стоит: *идут сии в муку вечную*. И никаким переводчикам никакого повода не представилось и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: *в муку вечную*. Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего – слова ясны без толкования. Пытались дать слову *вечный* кривое толкование, – не верующие, а неверы – будто *вечный* означает здесь относительную вечность: долго-долго, но не без конца, долго так, что эта длительность покажется вечностью, но все же и конец будет. Что такое толкование криво, обличает тут же стоящее другое слово: *в живот вечный*. Живот вечный и кривотолки разумеют, как имеющие быть без конца. Так надо понимать и муку вечную. Оба изречения стоят в одинаковых условиях. Что разумеется об одном, нельзя того отрицать другого. Если живот без конца, то и мука без конца.

Извольте теперь спросить свою детскую веру, видит ли она, что Сам Бог сказал, что муки вечны? Ну как не видеть?! А если видит, пусть так и верует от всей души и всякое противное тому недоумение гонит прочь, не отдаваясь ему в плен без разбора.

Но дадим на время ход вашему недоумению и спросим его: «Ты какие права предъявить можешь на свое существование?» – «Недоумеваю, – говорит, – как согласить можно вечные муки с благодатью Божией, с беспредельным Божиим милосердием. Ведь страсть, какие муки указываются! Огонь неугасающий, червь неусыпающий, тьма кромешная, скрежет зубов! Господи мой батюшка! Как благоутробный Господь будет смотреть на такие истязания?! Господь нам заповедал прощать. Сам ли не простит? Он молился на Кресте за согрешивших против Него страшнейшим согрешением, таким, больше которого нет уже и быть не может. Неужели нельзя Ему простить в будущей жизни?»

– Что же скажем мы такому недоумению?! Ты стоишь за благодать и милосердие Божие. Но речь твоя имела бы смысл, если бы вечность мук определили люди – безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: «Ваше положение не может быть принято, потому что оно противно благодати Божией». Но когда такое определение постановил Сам Господь – всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лице говорить Ему: «Быть не может, это противно Твоей благодати?» Как будто бы Он говорил не зная что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? Конечно, нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благодатью. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого

объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, что и вам советую.

Говорите: «Господь на кресте молился за распинателей, можно ли, чтоб Он казнил кого-либо из грешников вечными муками?»

– Господь молился, и молитва Его тотчас принесла плод. Разбойник покался и, уверовав в Господа, открыл себе вход в рай. Сотник исповедал Господа Сыном Божиим и, освятившись верой, имеется в числе святых. Верно, и все те, которые пошли с Голгофы, бия себя в перси, не лишились благой части. – Так и все, которые, нагрешив пред Богом, обращаются к Нему в слезах покаяния, всегда получают прощение, и пред ними дверь рая не заперта. Если б все люди, грехам повинные, так поступали, все бы вошли в рай, и ад остался бы занятым одними духами злобы, ожесточенными и нераскаянными. Вы опираетесь на милосердие прощения. Но прощение безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить?

Господь милосердый всех готов простить, только покайся и прибегни к Его милосердию. Если б и бесы покались, и те были бы помилованы. Но как они закалились в упорном противлении Богу, то и нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это, думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: «Не вем вас, отойдите». – А когда такое решение от Бога изойдет, кто отменит его? Вот и вечное отвержение – печать ада!

Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом? О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. Но то наше горе, что надежды-то такой не на чем основать. Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы то при последнем издыхании, то уж не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет – спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства в грехах, то и там навеки останется с тем же духом, и плод от него вовеки будет пожинать по роду его, Божие вечное отвержение.

В притче о богатом и Лазаре Авраам отвечает богачу: *Между нами и вами пропасть велика утвердися, яко хотящии перейти отсюда к вам не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят* (Лк. 16: 26). Какое решительное разделение одних от других! Я беру здесь из притчи только одну эту черту, что коль скоро кто, перешедши в другую жизнь, попадет налево, то ему уже нет перехода направо. Но в притче сей проглядывает и та мысль, что на том свете, если б и возможно было кому бросить свое грешное упорство, то это не принесет уже ему пользы. Так по закону правды: приял благая в жизни, а там терпи (см. Лк. 16: 25). Увы нам грешным! Поспешим поскорее покаяться здесь и получить разрешение, разрешающее навеки не для земли только, но и для неба.

Так видите, в чем дело! Посему или пусть ваше сердоболіе сделает всех грешников кающимися, или пусть согласится, что возможна часть людей, которые не получают прощения и будут осуждены по причине нераскаянного упорства.

Уж не питатели ли вы такого чаяния, чтоб Бог державной властью Своей простил грешников и ввел их в рай? Прошу вас рассудить, угодно ли это и угодны ли такие лица для рая? Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее. Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает. Если простить грешника внешним приговором, а внутри его все оставить, как было, не вычистив, то он и после прощения такого останется весь скверен и мрачен. Таков будет и тот, кого бы Бог простил державной Своей властью, без внутреннего его очищения. Вообразите, что входит такой – нечистый и мрачный – в рай. Что это будет? Эфиоп среди убеленных. Пристало ли? И у нас, когда строятся общества какие, то в состав их входят обыкновенно однородные – лица другого сорта и сами не захотят вступить

в него и, если б почему-либо захотели, не будут приняты. То же и рай, примет в себя только однородное – чистое и пречистое; а все неподходящее под сию норму, не может войти туда.

Положим даже, что какими-либо судьбами грешник втянут в рай; что он там будет делать?! Для него и рай в ад превратится. Вкусить сладостей райских у него нет органа, а чрез то, что там все противоположно его настроению, он будет тесним и гнетом так, что и места не будет находить. Введите вы в круг людей высшего тона человека простеца – для него пребывание среди них будет настоящая пытка. То же должен испытывать и грешник, если неочищенным втянуть его в рай.

Скажите: «Ну, – так очистить его». – Уж это опять не державной ли властью милосердного Бога?! Если б возможно было так, то и здесь на земле давно уже не было бы ни одного грешника. Сказал бы Бог: «Да будут все святы», – и все стали бы святы. Но в том-то и дело, что очищение не может совершиться без участия произволения, которого если на земле не доставало, то тем паче не достанет на том свете. Да хоть бы и появилось оно, не к чему ему рук приложить. Начало очищения – покаяние, а на том свете ему места нет; и, если бы было, нет возможности завершenu и запечатлену ему быть таинственным разрешением, ибо это возможно только здесь. После покаяния очищение продолжается и до конца доводится подвигами самоумерщвления и благотворения, постами, милостынями, молитвами. Все это на том свете неприложимо. Нечего, стало быть, ожидать там и очищения.

Итак, хотите или не хотите, а должны согласиться, что неизбежно некоей части людей остаться за дверьми рая.

Полагаю, что слыша это – за дверьми рая – ваше сердоболние несколько успокаивается: пусть за дверьми рая, но эти пытки и истязания – огонь неугасающий, червь неусыпающий, скрежет зубов, тьма крошечная – ужас, как поражают. Но что же тут?! За дверьми рая – ад. А ад уж, как ни умягчайте слова сего, есть место мучений. Юродивые девы остались прямо за дверьми женихова чертога и будто никаким мукам не подверглись. Но надо судить не по сему внешнему, а по тому, что у них на душе, как они стали себя чувствовать после того, как выслушали навеки отвергающий их глас женихов. Степени, как в раю блаженства, так в аду мучения, конечно, будут; но на всякой степени, как в раю, святые блаженство будут пить полными устами, так в аду – грешники муки претерпевать до последней меры терпения, такой, что если еще немного прибавить, то все естество разлетится в прах; а оно все же не будет разлетаться, а все мучиться и мучиться, и это без конца.

Выражения *червь неусыпающий*, *огнь неугасающий* и прочее и означают только эту крайнюю меру мучений для всякого, а состоять они будут, может быть, и не в этом. Как о блаженстве праведных апостол сказал, что уготовано для них то, что око не видало, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило, так о муках грешников надо сказать, что хотя несомненно, что они будут в крайней мере для каждого, и будут как душевные, так и телесные; но в чем именно они будут состоять, определительно сказать нельзя. В слове Божиим для обозначения сего берется то, что бывает самым мучительным на земле, равно как и для обозначения блаженства берется то, что на земле считается самым великим и обрадующим; но чтоб именно, как в том, так и в другом, было это самое, сего сказать нельзя. Там будет все ново: ново небо и нова земля, новы и радости, и муки.

Конечно, все сие страхом поражает. Но затем это и открыто, чтоб, поражая страхом, вразумлять и остепенять грешников. Если б Бог радовался мукам грешников, Он и не открыл бы об аде, но как не хочет смерти грешника вечной, то и открыл, что ожидает грешника, чтоб, зная то, грешник не давал себе воли, а если уж случится нагрешить, поскорее обращался опять к Господу и каялся. Я знал одного человека, который имел обычай говорить: «Какую премудрую вещь придумал Господь – смерть и ад! Не будь их, пустился бы во вся тяжкая». Говорят ему: «Да ты закрой глаза и не смотри на эти страсти или изгони из сердца веру тому». Отвечает: «И рад бы закрыть глаза, да не закроешь: все им видится смерть и ад. А что касается до прогнания

веры, уж я все перепробовал, чтобы прогнать ее, и всякие под нее подкопы делал; нет, все вяло и гнило, что ни придумаешь. Как истина смерти неотразима, так и истина вечного ада стоит несокрушимо. Нет уж, лучше крылышки-то подвязать и как-нибудь потише себя держать».

Вы сердобольствуете. А Господь разве не сердобольствует?! Окончательное Свое отвержение: *отойдите*, – думаете, Он так произнесет ни с того, ни с сего?! Нет, это Он скажет уже по испытании всевозможных средств к побеждению упорства нераскаянных грешников. Сколькими заботами окружает Он всякого грешника, чтоб образумить его! И уже когда все испробует и ничем не одолеет его, говорит: «Ну оставайся!» Это здесь; а на Суде скажет ему вместе с другими подобными ему: «Отойди!» Видим на Израиле. Бился-бился с ним Бог, наконец решил: *Се оставляется вам дом ваш пуст*. Так бывает и со всяким грешником отверженным. Отвержение его окончательное решается после того, как с ним уже ничего не поделаешь, как уж он закоснеет в упорстве своем. Вы одно то решите: возможно ли осатаниться человеку? Конечно, возможно. А если возможно, то куда его будет девать, как не поместить с бесами, коим уподобился? Вы все упираетесь на благость Божию, а о правде Божией забываете, тогда как Господь *благ и праведен*. Правда Божия вступает в силу, когда благость истощает уже все средства.

Спириты придумали заменить ад множеством рождений грешащего. Очень неудачно. Потому что кто остался неисправным в одно рождение, тот может продолжать его и во второе, и не только продолжать, но и углубить, или тем неизбежно и углубит, что продолжит. Но что было во второе, то может быть и в третье рождение, и так далее, до осатанения. А для таких уж, конечно, неизбежен ад.

Иным думается, что без наказания и мук грешников, конечно, нельзя оставить, но эти муки не будут вечны: помучатся-помучатся отверженники, а потом и в рай. Страсть как хочется нам казаться милосердее Самого Господа! Но и эта выдумка несостоятельна, ибо ад не есть место очищения, а место казни, мучащей, не очищая. Сколько ни будет жечь кого ад, жегомый все будет такой же нечистый, достойный того же жжения, а не рая. Жжению потому и не будет конца.

Но пусть бы и так, – уступим нелепое. Нам-то с вами, о сем рассуждающим, если мы грешны, какая от этого выгода? Никакой! Мука все же будет, а кто знает, какая она? Может быть так будет больно, что одна минута покажется во сто лет. Припоминаю при сем одно сказание. Некто благоговейный, кажется, мирянин, делал много добра, но проскользали и грешки. Для очищения его от сих грехов Господь послал ему болезнь, которая не поддавалась лекарскому искусству. Терпел он терпел и возмалодушествовал, и стал плакаться пред Господом. Господь послал к нему Ангела, который, явясь, сказал ему: «Что жалуешься? Для твоего же блага Господь послал тебе эту болезнь, чтоб очистить тебя от грехов твоих. Очистишься – и болезни конец. Ибо если здесь не очистишься, то на том свете гореть будешь». Тот с горести крайней и скажи: «Да уж лучше бы на том свете отмучиться!» (Это будто на руку тем, которые думают, что мучения временны, но цель сказания не та). «Хорошо, – сказал Ангел. – Хочешь? Тебе следовало еще болеть три недели или три месяца. Там тебе за это помучиться придется три секунды». – «Три секунды, – думает себе больной, – что тут?» И согласился. Как согласился, так обмер. Взял Ангел его душу и отнес в место мучения. – «Три секунды, – проговорил он больному, – терпи. Я тотчас приду, как они пройдут», – и скрылся. Как начало жечь этого бедного, как начало жечь, ужас, как больно; но терпел, думая: «Три секунды... сей момент кончится». Но боль все больше и больше, и, кажется, пора бы уж и Ангелу прийти, а его все нет и нет. Уж ему показалось, что неделя прошла, год прошел, десять лет прошло, а Ангела все нет и нет. Мочи, наконец, не стало. Как закричит! Ангел тотчас явился и спрашивает: «Что тебе?» – «Да ты сказал, что три секунды помучиться, а тут уж лет десять прошло». – «Каких десять лет? Всего десять терций». «Ой! ой! ой! Батюшка ты мой! Если так, возьми меня поскорее отсюда назад. Тридцать лет готов лежать в той болезни, только отсюда возьми». – «Хорошо», – сказал

Ангел, внес его опять в тело, и тот ожил. И уж не заикался более о тяготе своей болезни. – Это сказание сохранено для внушения нам грешным того главного, чтоб благодушно терпели прискорбности, посылаемые для нашего очищения от грехов. А я беру из него, по поводу речи нашей, только измерение длительности адских мучений. Видите, какая страсть? Одна терция годом показалась. А чем год покажется? Чем десятки, сотни лет? Это ужас!! – Нет! уж давайте лучше бросим всякий грех и, Господу веря без мудрования во всяком Его слове, покаемся и начнем жить свято, сколько сил есть, – не обманывая себя той пустой надеждой, что ведь немного придется помучиться, ничего!

Мудрование наше ничего доброго нам не дает, а только высокоумие плодит и руки, и ноги расслабляет на делание добра и бегание зла. Бросим его! Наживешь с ним добра. Нашему мудрованию все представляется так гладко и широко. Живи себе, как хочешь: природа! Умрешь – Бог милостив! Если и достанется немного – так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами; кричи не кричи – никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил. Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. Если б не было откровения, делать бы нечего, мудри. А при откровении какая стать мудрить? Уж нам не придумать лучше того, что Господом постановлено. Мудруем, стало быть, попусту, и не только попусту, но и без толка: ибо знаем, что не смудрить только надо, но и привести то в дело, а власти-то и силы, видимо, нет в наших руках.

Это все враг надувает в уши такие умничанья, и особенно ныне плодит их. Ничто так не сильно остепеняет, как страх адских мучений. И скольких избавляет от греха или ведет к покаянию память о сем?! Вот враг и покушается всячески отстранить эту острastку. Ведь какой хитрый! За Бога стоит, благость Божию защищает; а между тем против Бога вооружает и богоборцами делает. «Ты у меня, – говорит, – умник или умница... живи, как хочешь. А что там ад и муки – этого ничего нет. Попы да монахи выдумали, криво толкуя слово Божие». – Каков! Развесили уши наши красавцы и красавицы – и пустились во вся тяжкая. А враг стоит да зубы скалит и в ладоши бьет. Сколько добычи нахватал он сим способом в ад свой?!

У вас еще прописано: «Как праведные будут наслаждаться невозмутимым счастьем при сознании, что где-то страдают живые существа, и будут непрестанно страдать? Если они смогут быть счастливыми, то они перестанут быть праведными, и такая безучастность к ближним на небе ввергла бы их в ту же геенну, от которой они избавились, практикуя сострадание и любовь к страждущим на земле». – Это чисто адвокатский прием – пускать пыль в глаза софизмами. Если праведников за несострадание к отверженным осужденникам – в ад, то Бога-осудителя куда?! Вы все забываете, что ад – не человеческая выдумка, а Богом учрежден и по Божию же присуждению будет наполнен. Так открыл Он нам в слове Своем. Если так, то, стало быть, такое действие не противно Богу и не нарушает, скажем так, внутренней гармонии божеских свойств, а напротив – требуется ею. Если в Боге так, то как это может расстраивать блаженное благонастроение праведных, когда они един дух суть с Господом? Что Господь считает правым и должным, то и они. Сочтет Господь должным послать в ад нераскаянных, так будут сознавать ею и они. И состраданию тут места нет. Ибо отверженные Богом отвергнуты будут и ими; чувство сродности с ними пресечется. И на земле духовное родство бывает совсем иное, чем естественное, и коль скоро последнее несогласно с первым, то оно охлаждается и совсем исчезает: родные кровно делаются чуждыми друг друга. Это внушил Господь, когда сказал: «Кто мать Мне и брат», – и ответил: «Творящие волю Отца Моего». Если на земле так; то на небе это обнаружится в крайней силе, и особенно после последнего Суда. Отверженные будут иметься наравне с теми, в чье место они пойдут, кому уготован огонь вечный. Вы продолжаете: «Неужели я погибну за то, что призадумаясь над этой дилеммой и скажу себе: тут что-то не так; или не так переведено, или не так истолковали слова Спасителя?». – Погибнете ли вы из-за этого недоумения, не мне решать, а Испытующему сердца, Который видит все,

видит, как и почему зарождаются мысли, и соответственно тому винит или обезвиняет. Но должен сказать вам, что небезопасно поперечить явному определенно Божию в угоду своим мудрованиям, софистический строй которых так очевиден. Что приходят недоумения, в этом не всегда есть грех; но когда при появлении их тотчас становится кто на сторону их, то тут есть лукавство слабоверного и небоголюбивого сердца. Я уже поминал вначале, что недоумений не должно допускать до сердца, но как только появляются, отбивать их, а затем, дав покой вере сердца, спокойно искать разъяснения, не беспокоясь слишком, если и не придется тотчас найти его: ибо вера наша стоит на твердом камне: Бог повелел верить.

Но это уже писано; я привел вашу речь, чтоб оговорить следующую фразу: «или перевели не так, или не так истолковали». Это значит, что вы полагаете возможным думать, будто у нас нет подлинного слова Божия и нет правильного истолкования его. Где вы захватили такую премудрую мысль?! Вот греческий подлинник Нового Завета; вот славянский перевод наш, совершенно с ним согласный, равно как и русский. Читайте там, читайте здесь, всюду вы будете читать истинное слово Господа Спасителя нашего. А что слово сие истинно понимается и правильно толкуется, в этом поручительница вам Святая Церковь, которую Сам Господь поставил быть столпом и утверждением истины. Вот наша охрана! И избави нас Господи допустить противные сему мысли! Если допустим такие мысли (т. е. или подлинника нет, или толкование не право), то на чем остановимся, и на чем оснуемся своими мыслями? Надо будет или совсем оставить слово Божие, как заподозренное в неподлинности, или, держа его в руках, доискиваться по догадкам, что можно почесть подлинным; а это то же, что сочинять самим себе слово Божие. Се путь Штраусов и Ренанов! Оба эти приема стоят один другого. Ибо действительность – там и тут все тот же разум. А посмотрите-ка по истории, сколько напутал этот разум?! И придется плутать. Боже избави! Вот у соседей наших (на западе) ум орудует по делам веры. И чего-чего там не наплели?! Избави нас Господи от такой беды! Отобьемся от берега – начнут бросать нас туда и сюда волны мудрований разума. И пропадем.

Вы заключаете: «Если ответите, что не мое дело рассуждать – надо верить слепо, то придется просто замолчать, оставаясь, однако ж, к несчастью, при своем недоумении». – Нет, я не скажу, что не дело кому-либо рассуждать о делах веры. Куда же нам девать разум-то свой? Но скажу, что рассуждение рассуждению – рознь, а иное хоть брось. Рассуждать рассуждайте, но покорности вере не ослабляйте и не разшатывайте, потому что это есть покорность Богу, против Коего спорить нельзя. По-вашему выходит: не рассудишь – вера слепа. А на деле, как я уже писал, так есть, что вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери. Рассуждение приходит к вере, и пусть его рассуждает согласно с верой, не присвояя, однако ж, большего веса себе самому. Мы обычно, когда рассудим о чем, полагаем, что уж и не знать, какое великое дело сделали, услугу вере оказали, подкрепили и поддержали ее. А в существе дела рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И, собственно, тут уже нет веры. Так-то: рассуждать – отчего не рассуждать, только в области веры всегда надо рассуждать по началам веры и с покорностью вере вящей, чем внимание к своему рассуждению.

Кажется, теперь я уже все сказал вам, что нужным считал сказать по вашему письму. И кончаю. Благослови вас, Господи!

3. Поправка некоторых неправых мнений

Порадовался я, что говели, и особенно потому, что, испытав благое действие Святого Причастия, вы приняли и решение раз в год говеть и причащаться Святых Таин. Помогите вам Господи исполнить это доброе начинание. Если жизнь души нашей Господь есть, а причащающийся бывает едино с Господом, так что Господь в нем и он в Господе, то какое благо может быть для нас выше и обильнее благотворными последствиями, как Святое Причащение? Если вы сможете не всякий пост говеть и причащаться, а в большие, и по два раза, то это будет очень хорошее дело.

Что дальше вы сказали, то не совсем складно: «Мне кажется, что чем кто более любит Бога, тем меньше боится наказания за грехи свои; потому что Бог справедлив и снисходителен». Вам, верно, представляется, что Бог есть поблажник, как поблажлив родители к любимым дочкам. – Нет. Божия любовь строга и никакой поблажки не допускает. Это знают любящие Бога, и не только знают, но и чувствуют своим любящим сердцем. По сей причине они страшатся, как смерти, Божия гнева за грехи. Для них лучше умереть, нежели допустить что-либо такое, чем можно прогневить Бога и подвергнуться осуждению от лица Его. Да ведь и между нами обычно так бывает, что даже взгляд строгий и неблагосклонный от лица любимого мучительнее всяких браней, угроз и неприятностей от лица стороннего. Так извольте поправить свою фразу: «Любящий Бога не меньше, а больше боится наказания за грехи; потому бежит греха, как огня, и, если случится впасть в какой грех, слезам, раскаянию и молитвам конца не бывает, пока не получится удостоверение, что любимый Господь простил сделанный грех».

– А что за этим написано, то еще нескладнее: «Мы ведь созданы такими, что должны грешить; но все эти грехи, я уверена, простятся, когда в душе сознаешь, что делаешь их по слабости своей, и с сознанием, что это нехорошо, да не могу иначе». – Тут что ни слово, то ошибка в суждении. Не так мы созданы, что должны грешить. Бог создал человека правого для того, чтоб он и делал правые дела. Но пришло падение и испортило нас, сделав нас слабыми в отношении к греху. Теперь мы рождаемся уже не такими, какими следовало бы нам быть по творению, но такими, каким стал прародитель наш чрез падение. Но при всем том нельзя говорить, что мы рождаемся такими, что должны грешить. Ни на ком не лежит такой обязанности. Немощны мы и расслаблены, и грешим по слабости ко греху или по падкости на сласти греховные, но всегда произвольно, а не по какой-либо неизбежной необходимости. Греха никто не хочет и в спокойном состоянии не одобряет его, и готов вооружиться против него; но когда встретится случай ко греху, приманка греха увлекает, мы соглашаемся на грех и грешим, совсем не имея в мысли всегда грешить, а соглашаясь согрешить только в этот раз. Так всегда делу греха предшествует согласие на грех, а согласие есть дело свободного произволения, а не необходимости. Так извольте поправить и эту ошибку и ни говорить уже, ни думать, что хотим – не хотим, должны грешить. Иначе за что бы и наказывать грешников.

Говорите: «Делаешь худое и с сознанием, что оно нехорошо, да не могу иначе». – Вместо *не могу* поставьте *не хочу иначе*. Ибо если захотите иначе, иначе и поступите. Это вы все про свою вспыльчивость говорите: «Всякий раз вспылю и вспылю». – Всякий раз уже вы много сказали. Бывает же, что иногда и без пылу проходит дело, хотя обстоятельства одинаковы. Стало быть, можете и не пылить. А если вы прибавите внимание к себе и наперед обсудите, коль великое дело есть гневная вспыльчивость и сколько вреда она делает и душе, и телу, и внешним отношениям, так чтобы образовалось нелюбие к вспыльчивости: то в том и другом всегда будете иметь подручное средство к избежанию вспыльчивости. Внимание к себе заметит подход вспыльчивости, а нелюбие к ней отодвинет ее от сердца. Поспешите за сим воззвать к

Господу, Который близ есть, о помощи. Господь придет с помощью – и тотчас улягутся волны гневливости.

Это же что вы сказали? «Грехи простятся, когда в душе сознаешь, что делаешь их по слабости своей». – Где это вы открыли такие новые законоположения?! Бог прощает всякие грехи кающемуся, когда он, оплавав грехи, исповедует его и просит прощения с искренним сознанием своей виновности. А не так: согрешил, Господи; но что же такое? Слабость! Куда как покаянно и сокрушенно?! Это верно вы говорите про грехи наши поминутные: то слово прорвалось немирное, то мысль набежала на недоброе, то дело какое впопыхах не ладно сделано, и подобное. Все это грехи, в кои, как говорится, праведник семь раз на день падает, а мы с вами и каждый час больше, чем семь раз. Но и в этих всех надо каяться, как следует, с сознанием своей вины и с сокрушением сердца, а не так, как вы говорите: «С сознанием, что делаешь их по слабости, т. е. не с осуждением себя и прошением прощения, а с оправданием». – Грехи эти точно суть грехи немощи; но если б мы внимали себе, то их бы, может быть, и не было, или было бы не так много. А о прочих грехах, которые побольше этих, и говорить нечего, что такого рода приступание с ними к Богу совершенно неуместно.

Пишете: «Часто думаю о Суде Божиим, и иногда страшно станет, что там все откроется, и ясно будет для всех. Зачем не имею я той чистоты, чтоб не стыдно было быть открытой пред Богом и людьми»? – Это Ангел ваш Хранитель влагает такие мысли в сердце ваше. И помощи нам, Господи, всегда держать их во внимании и соответственные возгревать в себе чувства. Самое приличное нам, грешным, место стоять мысленно на суде и молить Господа о помиловании. И это есть наилучший способ, как удерживать себя от всего дурного. Кто чувствует страх, что все будет явлено, осуждено и подвергнуто взысканию, тот никогда не согрешит. Не переставайте вращать эту мысль в уме своем.

4. Мысль притчи о неправом приставнике

Пишете, что какой-то говорун, бывший у вас, наговорив многое, добрался до Евангелия и начал разбивать действия Спасителя, восхищаясь многим и коря тоже многое. Это что за сумасшедший?! Да вы-то как его слушали, когда он стал корить действия Христа Спасителя?! Как только он начал такую дурацкую речь, вам следовало или оговорить его и заставить замолчать, или удалиться от него. А вы продолжали болтать, и о всем этом так равнодушно рассказываете. На что это похоже?! Любите вы и чтите хоть сколько-нибудь Спасителя своего? Если да, то как могли вы сносить такие речи и не зажали рта этому сумасброду?! Нет, верно, вы только вид держите верующей и любящей Господа, а на деле и в сердце состоите в заговоре – вы против Него с врагами Его, как неверка и индифферентка. Если б кто стал худо говорить при вас о тех, кого вы искренно любите: об отце, матери, брате – стерпели бы вы это не оговоришь? Конечно, нет. Итак, если вы так спокойно отнеслись к хулителю Господа, не хвалитесь и не лгите на истину: нет у вас и на волос любви к Господу. И чего ради вы не прописали этих хульных речей? Я бы разъяснил вам всю ложь хулителя и снял нашедшую на ум ваш пыль богохульную. А теперь эта хула будет отравлять всякую молитву вашу и всякое помышление о Господе. Я совсем не узнаю вас в этом действии вашем нелепом.

«Добрались, – говорите, – до притчи о неправом управителе, и оказалось, что никто из нас не понимает ее». – Из всех притчей Спасителя эта, кажется, самая трудная. Наши однако ж святые толковники сумели упростить дело. Вообще, во всех притчах не должно доискиваться таинственного истолкования всякой черты приточного сказания, а только на то обращать внимание, к чему направлена притча. То же тем паче следует соблюдать при истолковании настоящей притчи. Куда должно обратить все внимание, Сам Спаситель руководит, сказав: *Похвали господь* (т. е. хозяин) *дому строителя несправедного, яко мудре сотвори*. За что похвален несправедный эконо́м? Не за правду, а за то, что умудрился выпутаться из стеснительных обстоятельств, в какие попал. Это умудрение и есть то, что хотел внушить Спаситель. Он как бы говорит: «Видите, как поступил этот управитель? Не стал охать и ахать или ждать, пока беда всей тяжестью обрушится на его голову, а тотчас, как узнал, что грозит беда, взялся за дело и ухитрился отвратить ее. Так ухитряйтесь и вы отвратить главную беду, грозящую вам». – Какую беду? Ту, что ведь вы грешны, а за грехи что ожидает вас? Осуждение и такое состояние, в коем вы будете бедственнее всякого бедствующего. Вы находитесь теперь совершенно в таком же положении, в каком тот управитель. Вот-вот будете отставлены, т. е. придет смерть и поставит вас в то горькое положение. Не предавайтесь же беспечности, не тратьте попусту время, но позаботьтесь отвратить беду и обеспечить свое будущее.

Мудрость правителя в чем состояла? В том, что он умудрился обеспечить свое будущее. Умудритесь и вы то же сделать. Как? Чрез благотворение и милостыню. Облегчайте участь нуждающихся, и это спасет вас. Управитель тот облегчил купцов, предполагается, небедных. Но сила речи в том, что облегчил, хоть и не были из числа неимущих, но долг все лежал у них на плечах и тяготил их. Вот это – облегчать положение тех, кои подавляются им, и хотел внушить Спаситель, как способ выпутаться из грозящей всем беды по смерти. Помогай нуждающимся от имени своего или от всего, что во власти твоей, и этим уготовишь себя обители, в кои и будешь принят по смерти.

Смушает многих, что будто рекомендуется благотворение от несправедного достояния. Нет, это не рекомендуется. Обратите внимание на слова Господа: *сынове века сего мудрейшии паче сынов света в роде своем суть*. Управитель назван сыном века сего, действующим по духу века. Ему противопоставляются сыны света – ученики Господни. Господь говорит как бы: тот умудрился в своем роде; умудряйтесь и вы в своем роде, т. е. действуя по законам правды.

Мудрость правителя рекомендует, а способ его не рекомендует. Тот способ пригоден для сынов века; а вы употребите такой способ, какой вам пригоден в роде вашем.

Посему когда говорит вслед за сим Господь: *Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, примут вы в вечные кровы*, – то не внушает помогать нуждающимся от неправо приобретенного или неправо себе присвоенного имения, а делать это без нарушения правды, как свойственно сынам света. Мамоной неправды назвал Господь имение вообще, и вот почему, – что оно невинно, обманчиво; мы полагаемся на него, как на крепкую гору, а оно ныне есть, а завтра ищи его. Итак, Господь внушает: облегчайте участь всякого нуждающегося и тяготящегося бедой от имения своего, и тем приобретете себе друзей, кои примут вас в вечные кровы, когда оскудеете, т. е. когда истощится жизнь ваша, и вы перейдете в другую жизнь, оставив все имеемое здесь на земле. На тот свет поступите ни с чем: только если успели вы посредством благотворения предпослать туда должную часть от имения вашего, это самое там встретите, и то будет составлять вечный кошт ваш. Чем больше туда перешлете посредством рук бедных, тем там обильнее будете насыщаться и довольнее жить.

Кто эти други, можно не пытаться. Главное в том, что будете приняты в вечные кровы. Или, если уж желательно определять, то это будет Сам Господь, совмещающий в Себе всех бедных облагодетельствованных. Ибо Он сказал: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25: 40). – За всех друзей – Он один, и довольно. Он и примет в обители небесные, которые и пошел на небеса уготовать верным Своим.

Все другие частности в приточном сказании оставляю без иносказательного толкования. И не следует этого делать. Станешь толковать, только затемнишь главную мысль и цель притчи.

Заключаю искренним желанием, чтоб вы, когда услышите пустые речи, затыкали уши, дабы не сквернить ими чистой мысли своей.

Если же услышите что против воли, не оставляйте того не изгнанным из памяти. Восстанавливайте веру и молитесь, пока душа не умиротворится.

5. Против: воскресения и второго пришествия не будет

«Вчера были гости, и спор был, что воскресения и второго пришествия не будет. Это смущает – и тем паче, что говорили то люди хорошие».

– Поелику они так говорили, то само собою следует, что они нехорошие люди. Как можно называть хорошим того, кто стал бы говорить против Государя и отечественных коренных законов?! Так и эти не хороши; потому что говорят наперекор тому, что сказал Сам Господь. Не Сам ли Господь сказал: *Иду... и паки прииду?* (Ин. 14: 3). И еще: *Грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия: и изыдут сотвориши благая в воскрешение живота, а сотвориши злая в воскрешение суда?* (Ин. 5: 28–29). – Времени, когда это будет, Господь не определил; а удостоверил только Своим божественным словом, что это непременно будет и совершится внезапно. *Якоже*, – говорит, – *молния исходит от восток и является до запад: тако будет пришествие Сына Человеческого. Явится знамение Сына Человеческого на небеси, и узрят Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою многою. Якоже бо бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядущие, и пьющие, женящиеся и посягающие, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого. – Будите готови, яко в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет.* – Так определительно говорит Господь о Своем пришествии, и чтобы кто почему-либо не стал колебаться сомнениями о сем, прибавил: *Аминь глаголю вам: небо и земля мимо идут, словеса же Моя не мимо идут* (Мф. 24: 27–44). Потом, когда, возносясь на небеса, Господь скрылся от очей апостольских, тотчас послал им ангелов, не другое что сказал, как то, что Он опять приидет. *Сей Иисус*, – сказали ангелы, – *вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. 1: 11). – Так важен пункт сей в устройении нашего спасения! Почему и в «Символ Веры» внесен, где читаем: *И паки грядущего со славою судити живым и мертвым.*

И о воскресении в том же «Символе» читаем: *Чаю воскресения мертвых.* Может быть, хорошим гостям вашим казалось недоуменным не столько второе пришествие Господне, сколько воскресение мертвых. Для ума, конечно, все сие непостижимо; но ведь мы веруем так не потому, что умом дошли до этого, а потому, что так Господь сказал. Уму тут нечего и делать, как только принять слово Господне. А не хочет – как хочет. Пусть остается невером, и части неверов ждет. Господь не раз говорил о воскресении мертвых; не раз обличал тех, которые не верили сему. Иудеи все веровали, что будет воскресение; но между ними была секта саддукеев, которые не верили воскресению. Их-то и обличал Господь, изображая вместе, и каково будет состояние воскресших: *в воскресение ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть* (Мф. 22: 30). – И во времена апостолов ученые люди в Коринфе поднимали спор о воскресении. Святой Павел, написав к ним послание о многом другом, и в этом вразумил их: несомненно веровать, что будет воскресение мертвых. Читайте пятнадцатую главу первого послания к коринфянам. Он поставляет общее воскресение всех в неразрывной связи с воскресением Христа Спасителя. Почему сначала подтверждает истину воскресения Христова многими свидетельствами лиц, видевших воскресшего Господа, беседовавших с Ним и осязавших Его, из которых, говорит, многие еще живы. Затем заключает: *Аще Христос проповедуется, яко из мертвых воста, како глаголют нецыи в вас, яко воскресения мертвых несть?* – Ибо все, что Господь сделал, ради нас сделал. Если б Сын Божий не пришел, не воплотился и, умерши естеством нашим, не воскрес им, то и в самом деле не было бы воскресения. А когда Господь пришел, умер и воскрес, то воскресению сему уже нельзя не быть. Христос Господь воскрес, как начаток воскресения из мертвых, а потом в свое время, и именно во второе пришествие Его, воскреснут и все люди. И начнется новый век – новая жизнь с новым небом и землею. Апостол говорит еще больше. Он говорит, что если кто не верит воскресению мерт-

вых, то, значит, не верит и воскресению Христову. А если не верит воскресению Христову, то и вся вера – попусту. Видите, как пагубно неверие воскресению мертвых. Оно и веру Христову разоряет, и спасение губит.

Так извольте вы затыкать уши от таких пусторечивых. Какая стать черпать вам ушами своими эти нечестия и набивать ими голову?!

Спасайтесь! Благослови вас, Господи!

6. Ответы на несколько вопросов

Се тебе краткие ответы на твои вопросы!

«Грешен блудный сын непотребный». – Если действительные есть грехи, надо покаяться, и, исповедавшись, положить начало исправлению. А если только общее чувство грешности имеется на сердце, то этого не должно отгонять, а паче усиливать. Чем грешнее кто себя чувствует, тем он ближе к Господу Спасителю грешных. Те же, которые чувствуют себя праведными, далеки от Спасителя, пришедшего не праведников, а грешников спасать.

«Странствовать или в монастырь идти» – сам смотри, что лучше. Решить это есть дело твоего благоразумия с советом и тех, которые хорошо тебя знают. Можно и так где-либо уединиться и жить, как живут иные чернички и чернецы.

«В Иерусалим бы хотелось, да средств нет». – Когда нет средств, и нужды нет. Поминай чаще, а то и всяк день, мысленно все места, где бывал Господь, и мысленно поклоняйся Ему на каждом месте. И довольно с тебя, если еще не лучше того.

«Псалтирь читать по уставу на всяк день» – хорошее дело. Но надо размышлять при сем и свою молитву вставлять между стихами. Лучше не все прочитать, чем все без мысли и чувства. Выучи на память несколько псалмов и, когда идешь дорогой, читай и размышляй.

«Поминать живых и умерших за Псалтирю» – хорошо. Дело любви есть. А браться читать Псалтирь по умершим и деньги за то брать – никуда негоже.

Хорошо, что учишь других благотворению. Но прежде всегда говори, что надо веровать в Пресвятую Троицу и в воплощение Сына Божия для спасения нашего, и в то, что ищущим спасения надо принять благодать Святого Духа чрез Святые Таинства, и что Церковь Святую надо слушать. И затем уже прибавлять: конец же всего – заповеди Божии храни – все, от малой до великой.

Спасайся и о мне многогрешном Бога моли!

7. Против: и второе пришествие и суд – в час смерти

«Какое искушение! Думается мне всегда, что второго пришествия не будет, а что второе пришествие и Суд бывает человеку, когда он умирает. Слышала я также, что когда умирает человек, тогда ему открывается тайна Пасхи. Один очень умный священник сказывал мне, что как бы кто ни жил, все друг другом спасены будем».

– Хорошо, что вы занимаетесь такими важными и решительными предметами, каковы смерть, второе пришествие и Суд, – и все по ревности о спасении своей души. Но нехорошо, что приплетаєте к сему мысли, несообразные с истиной. Зачем второе пришествие притягивать к смерти?! Смерть своим чередом, а второе пришествие – своим. Прочитайте, как пишется в Евангелиях и у апостолов о втором пришествии, и увидите, что ему такому, как оно описывается, нельзя быть во время смерти.

Читайте у евангелиста Матфея о пришествии Христовом, гл. 25 с 31-го стиха. *Егда придет Сын Человеческий во славе Своей, и вси святии Ангели с Ним, тогда сядет на престоле славы Своея. И соберутся пред Ним вси языцы: и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ. И поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речет сущим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира... Речет и сущим ошуюю Его: отыдите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его... И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный.*

– Видите, как будет второе пришествие и Суд? Как сие можно думать, что оно бывает в час смерти каждого? Когда умирала Божия Матерь, Господь приходил с Ангелами взять к Себе душу Ее. Такой же чести сподоблялись и многие из святых мужей и жен, как пишется в житиях их. Но это совсем не то, что второе пришествие и Суд, как сами вы видите. Ко второму пришествию весь род человеческий будет собран в одно место, и Господь низойдет во славе ко всем и, всех разделив на две части, над каждой частью произнесет один на всех приговор: там – *приидите*, здесь – *идите от Мене*. И как произнесет, так и останется навеки. А по смерти каждого, если и бывает некое решение участи его, то единичное, его только касающееся. Почему никак не следует к нему относить то, что говорится о втором пришествии. Второе пришествие будет по обновлении неба и земли и по всеобщем воскресении, да примет кийждо яже с телом содела или блага или зла, когда вслед за тем произойдет суд и решится участь каждого.

Святой апостол Петр пишет, что пришествию Господню будет предшествовать обновление неба и земли: *Нова небесе*, – говорит, – *и новы земли по обетованию Его (Господа) чаем* (2 Пет. 3: 13). Обновление это совершится огнем: *Нынешняя небеса и земля огню блюдома (суть) на день суда* (2 Пет. 3: 7). И совершится с шумом: *тогда небеси бо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3: 10). Все сие ради пришествия Господня или Божия дня: *его же ради небеса жегома разорятся, и стихии опаляеми растаюся* (2 Пет. 3: 12). Разорится же и растает теперешний мир; а на место его воссозиждется новый; ибо вслед за сим апостол говорит: *Нова же небесе* и проч. Вслед за сим произойдет воскресение мертвых. О сем Сам Господь говорит: *Тогда* (т. е. после разорения старого и воссоздания нового мира) *явится знамение Сына Человеческого на небеси... и узрят Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою многою. И послет* (Он) *ангелы Своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их.* (Мф. 24: 30–31). Сей трубный глас возбудит умерших. Ибо в другом месте говорит Господь: *Грядет час, воньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия и изыдут сотвориши блага в воскрешение живота: а сотвориши злая в воскрешение суда* (Ин. 5: 28–29). И святые апостолы, когда говорили о воскресении мертвых, всегда соединяли его с таким трубным гласом. *Се тайну вам глаголю*, – пишет святой Павел, – *вси бо не успнем, вси*

же изменимся: вскоре, во мгновении ока, в последней трубе: вострубит бо и мертвии встанут нетленни, и мы изменимся (1 Кор. 15: 51–52). То же пишет он и в другом месте: *Сие вам глаголем словом Господним... яко Сам Господь в повелении, во власти архангелов, и в трубе Божии снидет с небесе и мертвии о Христе воскреснут первии* (1 Сол. 4: 16).

– Воскресшие таким образом люди все собраны будут в одно место, и над ними Господь совершит Суд, как изображено выше из Евангелия от Матфея.

Вот как изображено второе пришествие Господне и имеющий последовать за ним всеобщий Суд. Изображение сие дано Самим Господом и святыми апостолами, Духом Божиим наученными. Следовательно, все, что говорится здесь, есть совершеннейшая истина: все неотменно будет так, как сказано. И Господь, изобразив Свое второе пришествие, присовокупил: *Небо и земля мимоидет, словеса же Мои не мимоидут.* (Мф. 24: 35). А вы, Бога не боясь, свое изволите строить второе пришествие, будто оно и с судом совершается в смерти каждого. Можно все сказанное применить к смерти?! И слепой увидит, что нельзя. И не давайте себе смелости вперед так думать и говорить. Я собрал все это из Писания для вас, потому что вижу, как вы ленивы заглядывать в него, и не зная, как говорится о сем предмете в слове Божиим, спешите сами от себя решать свои о нем вопросы.

И после смерти каждого бывает решение участи его; но это решение есть только предначинательное. Окончательное же решение будет произнесено на Страшном Суде, по воскресении, чтоб как праведные, так и грешные получили полное и по телу и по душе воздаяние за дела, соделанные с грехом.

Так извольте думать и, чтоб вам меньше путаться в понятиях о предметах веры, прочитайте со вниманием православный катехизис и усвойте содержание его. Затем читайте Евангелие и Послания апостольские и книги духовного содержания. Знаю, что у вас много трудов; но достаточно, если определите на это воскресные и праздничные дни, в которые, конечно, не работаете.

Слышанное вами, будто в час смерти открывается тайна Пасхи, очень неопределенно, чтоб можно было сказать на это что-либо определенное. Что это за тайна Пасхи? В Пасху празднуем воскресение Христово, которое есть образ, начаток и залог и нашего воскресения. Если это тайна Пасхи, то что ей открываться, когда она известна? Разве может быть, не печатлется ли в душе, разлучающейся с телом, особое некое удостоверение, что это разлучение, поставляющее ее в неестественное для нее положение, только на время и что по прошествии этого времени она опять соединится с своим телом. Ибо, по апостолу, *мы не хотим совлещися, но пооблещися*, так, однако же, чтобы *мертвенное сие* (тело) *пожертво было животом* (2 Кор. 5: 4). Душа и доселе веровала, что будет воскресение; но как смерть и в ней производит большое сотрясение, то такая вера может выпадать и повергать душу в крайнее смущение. Почему в утешение ей в момент разлучения ее с телом, может быть и дается ей сокровенное некое удостоверение в будущем воскресении. Больше этого не умею, что вам сказать. Но вы лучше сделаете, если станете пропускать мимо ушей все новости о предметах веры, лишние против образа веры, начертанного в символе веры и истолкованного в катехизисе.

Неопределенно также и то, что вы слышали от ученого священника, будто мы друг другом спасены будем, как бы ни жили. Напрасно вы тогда же поподробней не расспросили его об этом. Теперь же вы в другом месте и разъяснить вам этого некому. И я ничего об этом не стал бы вам писать, а сказал бы только: перестаньте об этом думать. Но как видится, мысль эта засела вам в голову, особенно, может быть, той стороной, что как бы ни жили, а спасены будем. На это только и скажу вам, что при этом как ни живи, надежда спасения не может быть прочной и нерушимою. Ибо в слове Божиим определенно указано, как следует жить, чтоб быть спасену; и кто жизнью отступит от этого определенного указания, тому нельзя надеяться спасену быть помимо сего. Святой Павел в послании к галатам, перечислив дурные дела плотские, присовокупил: *Предлагаю вам, якоже и предрекох, яко таковая творящи Царствия Божия не*

наследят, – спасения не улучшат. – А вслед за сим он перечисляет добродетели, с которыми благонадежно можно быть, что получится Царствие Божие или спасение, именно: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5: 19–23). – То же пишется и во многих других местах. Можно ли быть спасену тому, кто не любит Господа Иисуса? Никак нельзя; ибо апостол пишет: *Аще кто не любит Господа Иисуса, да будет проклят* (1 Кор. 16: 22). А кого следует почитать любящим Господа? Того, кто соблюдает заповеди Его; ибо Сам Он сказал: *Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14: 21). – Так вот, определенный путь спасения – верное исполнение заповедей Божиих. Стало быть, нечего вам увиваться мыслию около лстящего вам, льготного какого-то образа спасения, по коему как ни живи.

Ежели слова «друг другом спасены будем» разуметь так: спасены будем, если деятельную будем являть друг к другу любовь, то это истинно. Ибо Господь, потребовавший для засвидетельствования любви к Нему исполнения заповедей, сказал: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15: 12). Но в таком случае нельзя уже говорить: как ни живи. Ибо любовь друг к другу требует определенной жизни, соединенной с самопожертвованиями. Только, чтоб полное видеть правило в руководство ко спасению, надо, со слов же Господа, любовь друг к другу иметь под любовью к Богу. Любовь к Богу есть, по слову Господа, первая и большая заповедь; а за ней уже следует подобная ей любовь к ближним (см. Мф. 22: 37–39). Но и это еще не все: с любовью надлежит иметь соединенную веру. *Вера любовью поспешествует* (Гал. 5: 6) – вот прямой, незаблудный и благонадежный путь спасения.

И еще повторю: потрудитесь уяснить себе дело веры тем способом, о коем я поминал, именно: достаньте православный катехизис, прочитайте его со всем вниманием и усвойте содержание его. После чтением можете расширить свои познания о предметах веры. Тогда какой бы ученый ни стал вам предлагать иной некий образ спасения, вы тотчас сами увидите, что в словах его не правда, а кривда.

8. Первое письмо в Санкт-Петербург по поводу ереси тамошней

С удовольствием берусь ответить тебе или лучше обсудить вместе с тобой все, о чем писал ты в своем, достойном всякого внимания, письме. Я и прежде слышал кое-что о том, о чем ты говоришь; но думалось, что это какие-либо пустяки. Теперь же из слов твоих вижу, что у вас там начинается нечто вроде пожара церковного, спешу написать тебе, что Бог пошлет, по твоему письму.

1. Пишешь: «У нас появился какой-то проповедник веры, надо полагать из дворян и, кажется, в немалом чине, который ездит по домам, не богатым только, но и бедным, читает Евангелие, толкует и учит веровать во Христа и каяться. От меня недалеко живет бедный переплетчик. К нему приезжает тот проповедник. Собирается народ, и я был там раза два-три. Слышно, что и в других местах бывают такие собрания, и народу немало бывает».

– Остановимся с тобой на этих словах. Явился проповедник веры, проповедник не от лица Церкви, как очевидно. Уж это одно должно было породить среди вас недоумения: как так учит не поставленный быть учителем? Это у нас небывалая новость. От недоумения же такого следовало вам тотчас перейти к таким суждениям: что-нибудь тут не так; он не от дома Божия, а от инуды; потому вам следует держать себя настороже. А так ли вы поступили?! Никому и в голову не пришло поостеречься, а все слушали и слушаете, не давая себе труда обсудить, право ли то, что слышите, и к добру ли приведет, если последовать тому? Вот первая ваша ошибка!

Говоришь, что он учит веровать во Христа и все из Евангелия берет. Но это-то и должно было побудить вас держать ухо остро. Разве вы татары или басурманы какие?! Вы же ведь веруете во Христа Господа и спасение свое содеваете во Святой Православной Церкви, и содеваете по образу спасения всех предшествовавших нам святых наших, Богом прославленных! Из этого вам следовало прямо заключить, что если он начал толковать о вере, и толковать нам, верующим, то эта его вера, должно быть, иная есть от той, которой мы веруем. Когда он начал вам толковать: «Веруйте во Христа», – вам следовало спросить его: «Да что ты толкуешь об этом? Разве мы некрещенные какие?» А у вас ни у кого и язык не повернулся. Говоря вам: «Веруйте во Христа», – он обличил вас в неверии; а вы слушаете, будто в самом деле неверы. Если же он иную веру проповедует, а вы все же слушаете, то вместе с ним осуждаете свою прежнюю веру, осуждаете и Церковь Святую, и всех спасенных и спасающихся в ней. Вот ваша вторая вина, большая первой!

И как же это все у вас там дееется?! Дееется среди истинно верующих в Господа и идущих спасительным путем, свыше указанным?! Сыны Церкви спокойно и мерно содевают свое спасение. Но приходит некто, им прежде неведомый, и начинает вопить: «Знаете ли что? Христос за нас умер. Веруйте так, кайтесь, и вы спасены». И они, как бы необычное нечто услышав, к нему пристают, готовы будучи оставить и Церковь свою, и пастырей своих, и все, чем пред сим дорожили, чем питалась и освящалась душа их! Дивно это! А прежде-то разве не в Господе Спасителе содевали вы свое спасение? Разве не в Его имя крещены вы? Разве не Его силой получали вы столько раз разрешение грехов в таинстве покаяния? Разве не Его Самого принимали в себя, причащаясь пречистого Тела и пречистой Крови Его? Разве не к Нему обращались вы в молитвах своих и не на Него единого все упование спасения возлагали? Так что же особенного, что нового, чего бы вы не содержали в уме и сердце своем, возвещает вам этот неведомый вам доселе пришлец, говоря: «Христос за вас умер; веруйте так – и вы спасены»? Не это ли исповедуете вы, каждодневно читая в «Символе Веры»: «Верую... в Господа Иисуса Христа... нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася. Распятого же за ны...» и проч. Не это ли сами

себе возвещаете вы, поя в Церкви: «Единородный Сыне... распныйся Христе Боже... спаси нас, спаси нас»? Или: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий»? Или: «Свете тихий святые славы: Сыне Божий, живот дай»? Или: «Ныне отпускаеши..., яко видесте очи мои спасение Твое»?

А литургия вся что есть, как не воспоминание, или, больше, как не воспроизведение таинственное в бескровной жертве жертвы кровной на кресте во спасение наше? Так что же нового слышите вы из уст сего пришельца, что готовы оставить все прежнее и устремиться вслед его, не зная еще, наверное, куда он поведет вас, зная, однако ж, несомненно, что путь, которым вы шли доселе, есть настоящий путь?

Поистине это непонятно. Вы походите вот на кого: поют, положим, что-либо хором, и вы сами участвуете в этом пении. Пение идет стройно, все голоса сливаются в нем в один. Но вот вдруг среди всех появляется некто, встречается в ваше пение и своим голосом выдается из всех. И вы, оставив хор и свое пение прекращая, все внимание обращаете на этот выдающийся голос, изумляясь тому, как он выводит ноты. Хорошо ли он делает и хорошо ли вы поступаете, вам и в голову не приходит подумать, слушаете потому только, что он выдается, прежнее же пение припелось и прислушалось. А знатоки искусства в пении говорят, что выдаваться из других голосом в пении противно правилам сего искусства и что дивящиеся сему выдающемуся певцу обличают в себе отсутствие истинного вкуса. Вот этим подобны вы в деле содевания своего спасения. Содевали вы свое спасение мирно и тихо в хоре других братий и сестер спасающихся. Но се появился крикун и начал выкрикивать один стишок из всей совокупности спасительных истин. И вы на него устремили очи свои, все прочее оставляя и от всех готовые отделиться. А о том и подумать не подумали, правильно ли он поступает, выделяясь со своим стишком, и правильно ли вы поступаете, становясь на его сторону. Ведающие надлежащим образом дело спасения справедливо укорят вас в безвкусице духовном – вас, а тем паче того крикуна.

Таким образом, вам следовало с первых же слов оттолкнуть его от себя или отворотиться от него, а вы связались с ним, и все более и более вяжетесь.

2. Пишешь: «Он все говорит о Господе Иисусе Христе и спасении в Нем – говорит с воодушевлением. Слушать его приятно, так и тянет к нему».

– А разобрал ли ты и другие с тобой слушавшие, наш ли он или чужой? Вам подумалось, что как он говорит по-русски и русский есть, говорит о Христе Спасителе и притом с таким воодушевлением, то, конечно, он наш, в истине стоит. Истину возвещает. Вы и потянулись к нему; но всем этим вы попали в обман. Он русский, но уже нерусской веры, был православным, но отпал в инославие. Он проповедует о спасении в Господе, но не так, как возвестил о себе Сам Господь и святые апостолы Его. Он говорит с воодушевлением, но это не свидетельствует об истине его слов, а только доказывает, что он вседушно увлечен своим учением и ратует за него, как за истинное, хотя оно полно лжи и обмана.

Ужели все это вам неведомо? И разве вы не знаете, чей ученик есть этот крикун? По учителю судите и об ученике. Ведь зарождение этой лжи или этой заразы духовной там у вас на глазах всех совершилось. Приехал какой-то англичанин, начал ездить по домам и к себе зазывать, и своей проповедью сбил с толку некоторых наших барынь и бар, нетвердо стоявших в истине. Из числа этих, сбитых с толку, есть и ваш крикун, который теперь вместо того англичанина прогнанного разъезжает всюду и кричит, чтоб и других сбивать с толку, как сам сбился. Так что есть в деле веры тот англичанин, то есть и этот ваш крикун. А англичанин тот что есть по вере? Он есть отпавший от истины Божией и стоит на четвертой степени ниспадения в ложь и тьму. Вот это как!

Не стану тебе разъяснять самую суть дела, а коротко очерчу только внешний ход такого ниспадения. Была одна Церковь на земле с единой истинной верою. Но пришло искушение, Папа со своими увлекся суетумудрием и отпал от единой Церкви и веры. Это первая степень ниспадения в ложь и тьму. Между папистами зародились потом протестанты и, увлекшись,

подобно Папе, своим суемудрием, отпали от папской веры и Церкви. Это вторая степень ниспадения в ложь и тьму. От протестантов народилось английское суемудрие. Это третья степень ниспадения в ложь и тьму. Из английского суемудрия выродилось, наконец, и то, которым увлекся приезжавший соблазнять наших англичанин и соблазнил вашего крикуна вместе с другими. Это четвертая степень ниспадения в ложь и тьму. И вот на этой-то степени стоит и ваш крикун, который мечется там у вас по домам и стогнам града с своей проповедью. Он есть истый ученик того англичанина, если только не прибавил еще чего и от себя к принятой им от англичанина лжи, чтоб остановиться таким образом уже на пятой степени ниспадения в ложь и тьму. Так вот кто есть ваш крикун!

Ни у папистов, ни у протестантов, ни у англичан, ни у этих, к которым принадлежит ваш заразитель с зараженным крикуном, нет истины Божией настоящей, чистой, полной. Она пребывает только в единой истинной Церкви Православной. То правда, что сами они в обольщении думают, что обладают истиной, но истина далека от них. Паписты первые отпали от истины, но думают, что они-то и удерживают ее. Протестанты обличили несостоятельность папистов во многом, но сами не попали на истину, а еще дальше отбежали от нее, построив свою новую веру по своему суемудрию, а не по истине Божией; думать же и они, подобно папистам, думают, что напали на истину, которой чуждыми сочли папистов. Англичанам не понравилась немецкая вера, и они построили свою, тоже по своему суемудрию, а не по истине Божией, говоря: «У немцев то и то не хорошо; мы свою сочиним веру, которая нам пригожей», – и сочинили, уклонившись от истины Божией еще дальше, думая, однако ж, что стоят в ней тверже других. У англичан потом, равно как и у немцев, расплодилось множество вер, которые все тоже хвастают, что напали, наконец, на истину, тогда как на деле еще дальше отступили от ней. Как они искали ее не там, где ее Бог положил, а в своем суемудрии, то не на истину напали, а приняли за истину разные призраки истины, и на них построили свои верования. Из числа их есть и то суемудрие, которое завез к вам англичанин и которым прельстился ваш крикун. Но когда на западе множилось такое разнообразие вер, более или менее ложных, на востоке неизменной пребывала в своем веровании Православная Церковь, единая истинная, Божию истину содержащая, ту самую истину, которая возвещена Господом Спасителем и насаждена в Церкви Святой Его апостолами. Мы, сыны Церкви Православной, содержим сию истину и стоим в ней. Чрез целый ряд веков шла непреложная истина в Церкви православной и до нас дошла. Стоит в истине Святая Церковь; стоим в ней и мы. Благодарение Господу, благоволившему родиться нам в недрах единой истинной православной Церкви!

Итак, вы стоите в вековечной истине, а этот крикун вчера только научился обольстительной лжи у обольщенного ложью англичанина тоже вчера. Но вот начал он среди вас мыкаться и выкрикивать свою ложь, и вы без всякого разбора бросились к нему и стали на его сторону, готовые и совсем отстать от Святой Церкви и от содержимой ею истины Божией. Сообразно это с чем-нибудь?! То, что мы исповедуем и как содеваем свое спасение, было в силе у наших отцов, дедов, прадедов, пращуров, прапращуров, – и всех россиян с самого просвещения их истинной верой при святом Владимире. Этому уже скоро тысяча лет. И сколько святых воспитала Святая Церковь наша, ходатаев и молитвенников о нас пред Господом, как указывают нетленные мощи их, по всей земле русской рассеянные! И вдруг этот крикун, вчера прельстившийся ложью, покушается отторгнуть вас от сего святого сонма!!! Но идите далее – то же исповедание и то же содевание спасения увидите вы у греков, от коих приняли мы святую веру. Идите и у них по векам; дойдете до соборов, защищавших и утверждавших истину вселенскую. Пройдите соборы до Константина Великого, и всюду будете зреть одну и ту же истину, всем сонмом верующих содержащую и по всей вселенной царствующую. Двигайтесь еще далее, пройдете века гонений, дойдете до века апостольского, и усмотрите и там то же исповедание и то же содевание спасения, какое теперь и у нас содержится и действует. А то, чему учили и что учредили апостолы, принято ими от Господа, Господь же и говорил, и делал, как принял

от Отца Своего, в тайне Пресвятой Троицы. Вот откуда вера наша! Вот где ей источник! Вот как она, из глубин Божиих истекши, текла по течению веков и до нас дотекла! И сию-то божественную и вековечную веру вы готовы бросить и изменить на ложь, которую выкрикивает ваш вчера сам обольстившийся ею крикун! Есть в этом какой-либо смысл?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.